

Andreas Maier, „Neulich auf einer Lesung“, in: *Onkel J. Heimatkunde*, S. 16-20.

Образец перевода © Евгений Пуховский 2016

Недавно на чтениях

Недавно на моих чтениях присутствовал довольно пьяный человек. Это был мужчина между двадцатью и тридцатью, который был одет в коричневое пальтишко и имел спутанную, не слишком длинную бороду. У мужчины были водянисто-голубые глаза, немного опухшее лицо, которое Толстой, наверняка, назвал бы «здоровым», и он восторженно заговорил со мной по-английски. Я, впрочем, не понял ни слова. Но мужчину это не смутило, потому что он был полон энтузиазма и даже несколько раз похлопал меня по плечу. Через несколько минут я услышал глухой удар, а еще через 10 минут мне сказали, что мужчина растянулся во весь рост на пол в помещении, где проходило мероприятие. После этого инцидента он был выброшен вон. Затем мужчина через разные входы и даже через окно туалета еще долго пытался проникнуть в помещение, где проводилось мероприятие (книжный магазин с кафе), производя при этом немалый шум. Наконец, ему это удалось, он стоял в задних рядах, подмигивал, кивал, снова подмигивал, поднимал, как бы в мою честь стакан вина и вновь был схвачен и выброшен вон. Эти чтения проходили в Москве. Позже ко мне пришел светловолосый мужчина, очень крупный, с такими же водянисто-голубыми глазами, он представился как *artist*¹, *writer*² и показал мне на что он способен: мужчина, усевшись на шпагат, одним только ртом, без помощи рук, в одно мгновение опустошил рюмку водки прямо с пола. Он проделал это трижды, и каждый раз более изыскано, чтобы привлечь

1 пер. с англ. - артист

2 пер. с англ. - писатель

мое внимание. В метро я тоже видел сильно выпивших людей, а в Рязани ко мне обратился за сигаретами совершенно пьяный солдат. На русском телевидении никогда не показывали пьяных солдат, их одежда всегда отутюжена, и вообще, по русскому телевидению транслируют только две вещи: военных и милицию, и никто не пьет ни глотка. На экранах телевизоров Россия – совершенно антиалкогольная страна.

Я пишу это, разумеется, только для того, чтобы, с одной стороны, подтвердить типичное клише о русских, поскольку любое клише всегда верно и потому обязательно подтверждается. Но, с другой стороны, я должен рассказать и о противоположном, также верном клише, а именно о том представлении, которое сложилось у русских о нас, немцах. Почему, собственно говоря, именно мы думаем, что умрем, если нам придется поехать в Россию и там нас заставят пить водку стаканами? (Впрочем: мне не навязали ни одного стакана, ни единого, а тосты у них очень неплохие, а третий тост всегда за женщин и за любовь, даже если пьешь с восьмидесятилетними бабушками). Простой пример расчета показывает, что всё не так уж страшно. 500 г водки – это в пересчете около двух бутылок вина. А теперь представьте себе совершенно обычный вечер в немецкоязычном литературном кружке. Возьмем для примера Лейпциг, книжную ярмарку: вначале чтения, потом шампанское, потом фуршет с вином, затем длящееся часами времяпрепровождение в Пауланер: вино, иногда, шнапс. Потом пивная закрывается, тогда идут пить коктейли до 6 утра, и кто с кем и в каком номере отеля проснется, в большинстве случаев даже сложно предположить. Ну и что по сравнению с этим 500 г водки? К тому же есть и другие клише о немцах. Дело в том, что русские, со своей стороны, утверждают, что мы напиваемся до смерти. Русские считают, что немцы начинают пить и уже через два часа впадают в совершенно бессознательное состояние. Русские считают, что немцы – это ведра, которые сразу же вливают в себя всё, что попадает им в руки. И я, к сожалению, должен это подтвердить: это правда. Русские пьют медленнее, не смешивают, закусывают, и не пьют в таком экзистенциальном

одинокости, как мы, а пьют, так сказать, коллегиально: они тебя ждут, ждут когда ты поднимешь свой бокал, и пьют все вместе. И третий тост всегда за женщин и за любовь. В то время как русские весело сидят, за ломящимся от изобилия столом, и открывают третий литр водки, немцы уже лежат на полу, совершенно упившись: вино, водка, пиво, ах, водки лучше больше не надо, снова вино, а поскольку вино кажется слишком крепким, лучше пиво, а поскольку в конце все уже бессмысленно, то лучше снова шнапс, и при этом несколько часов ни крошки во рту. Вот такие мы. Однажды я пил с одним немецким издателем 8 бутылок вина. Восемь. Это в пересчете два литра водки. Мне непонятно, почему мы испытываем такой страх перед этими маленькими стопками водки.

Кстати, о поездке в Москву поездом. В купе есть маленький зеркальный шкафчик, и если его открыть, то внутри найдешь четыре закрепленных зажимами бокала и небольшой красивый графинчик. Когда я ехал туда, то еще не имел представления, для чего это нужно. А на обратном пути уже знал. Обратно я ехал с саарландцем из Нойенкирхена, расположенного рядом с Бексбахом, где живет семья Хайнца Бекера. Саарландец сел в Бресте, пил пиво и говорил как Хайнц Бекер. Я время от времени открывал зеркальный шкафчик и мечтательно разглядывал пустой графин. Разглядывал четыре стакана. Потом я, стыдливо, открыл свой рюкзак (саарландец уже спал, он был инженером), достал 500 г водки, перелил ее в графин и чокнулся сам с собой. И третий тост, конечно же, был за женщин и за любовь.